

ОГЛАВЛЕНИЕ

Зачин	10
Бука	21
Опивень	54
Глагол 3	72
Белая баба	80
Ичетик	94
Анчутка	120
Василиск	141
Глагол 4	205
Чудь	215
Лихоманки	248
Лиходеи	263
Глагол 5	338
Предел	345

НЕЧИСТЬ ЛИХОДЕЙ

КНИГА 2

*Огромное спасибо
моей жене Юле и сыну Артему
за помощь в создании
мира Нечисти!*

КРУГ ВТОРОЙ

НАСТАВЦОВ

ЗАЧИН

*Буйные гривы костры
по погибшим подымут,
Чтобы на миг даже ветер
полуночный стих:
Пусть говорится, что мертвые
сраму не имут,
Но вся их доля отныне
лежит на живых.*

«Память», Кошка Сашка

В походном шатре было темно.

Свет лагерных костров, что потрескивали снаружи, лишь слегка проникал сюда через робкую щель приоткрытого полога, бросая на утопанную землю и шкуры узкую желтоватую полоску. Порой оттуда доносились приглушенные звуки разговоров прислуги, стук посуды и ржание коней. Боевой привал постепенно готовился к ночлегу.

Главный Судья Гуго отложил перо и откинулся на спинку резного, богато украшенного узорами и самоцветами стула. Прикрыв глаза, он долго и внимательно вслушивался в неверный гомон снаружи. Сейчас Брат Вечного меньше всего напоминал шутовского вихлявого

старикашку. Его угловатое лицо было спокойным, сосредоточенным, а непослушные букли волос за ушами больше походили на шипы или рога. Узкий рот плотно сжат, а под набрякшими веками нет-нет да и можно было различить быстрые метания глаз. Словно Гуго метал по стономам иглы-взгляды.

Окажись в шатре кто-то посторонний, он непременно отметил бы, что главный Судья напряжен. Щуплое тело его было чуть скованным, а узкие жилистые пальцы нервно поглаживали потертые подлокотники. Да, случайный свидетель обязательно бы отметил это в позе сидящего, но кто в здравом уме решился бы сейчас потревожить покой Судьи? Даже самые приближенные Братья знали, что без крайней надобности не следует дергать Гуго по вечерам. Всякое может быть. Глянет коротко старичок на дерзкого, осмелившегося нарушить уединение без особой нужды, улыбнется по-отечески, и...

И пропадал потом человек. Как не было. И никто даже не спрашивал, куда увозили несчастного.

Нет уж, господари мои, своя шкура дорога. Так что пусть сидит себе старый Гуго в одиночестве, скребет пером по пергаменту.

А мы своими заботами заниматься будем. Благо в походе на варварские земли всегда есть что делать.

Судья с силой потер пальцами виски, покряхтел и открыл глаза. Хитро глянул по темным углам шатра, будто пересчитывал походные сундуки и личные вещи, не пропало ли чего. Долго вглядывался под балдахин разъемной кровати. Шевельнулось там что? Нет, показалось. Да и кто осмелится лезть не то что в шатер главного Судьи, но и на любимое его ложе? Каждый кмет

НЕЧИСТЬ ЛИХОДЕЙ

от Шпании до Хорсы знал главную странность Гуго: везде, в любой поход возить личную кровать. Чудную, неуклюжую, громоздкую, под которую всегда было отряжено две телеги. Говорили, что, даже приезжая с визитами в родовые замки герцогов или владык Домов, старик тащил койку с собой.

Говорили, само собой, шепотком, тайком, оглядываясь через плечо. А после ворочались от бессонницы, перебирая в головах: а не сказали ли чего лишнего, не сболтали ли крамолы? И тек холодный пот по спинам.

Потому что любой кмет знал не только про странности Судьи, но и про его жестокость. И тем не менее...

Гуго медленно положил руки на походный столик. Дробно простучал пальцами, прислушиваясь к гулкому звуку дерева, после чего вновь внимательно перечитал написанное.

Нет, это не были доносы или указания, не вести о продвижении похода или отчеты. Подобными мелочами пусть занимается сопляк Дюк и его писари. О нет! Главный Судья по вечерам позволял себе маленькую слабость: он составлял бестиарий. Безделица, пустяк, блажь старика, но нравилось Гуго записывать и отмечать повадки встреченных и уничтоженных тварей. Само собой, от этого они не становились для него менее омерзительными, противными Воле Вечного порождениями диких земель, но было в этих заметках для Судьи что-то... Наверное, это можно было сравнить с охотничьими чучелами на стене у лорда Экзика, которыми как-то имел удовольствие любоваться Гуго на приеме. Подтверждение подвига, трофей.

Мертвая красота победы.

Твоей победы!

Гуго слегка, лишь уголками рта, улыбнулся и sprыснул песком по подсыхающим чернилам. Сдул лишнее. И вдруг так и замер в неудобной позе, с застывшей на лице гримасой выдоха.

Метнулся вновь взгляд по сумраку шатра.

Побежали по углам глаз частые трещинки-морщинки.

Медленно растянулась широкая усмешка. Страшная, хищная.

— Я мог бы позвать Братьев, — бросил Судья в темноту и мелко захихикал. — Но не буду. Пока не буду. Я ждал кого-то...

Он на миг задумался, подбирая слова.

— ...кого-то из ваших, — чуть погодя добавил он.

Тишина.

Старик довольно прищурился, притворно небрежно откинулся на спинку стула. Теперь он был похож на сытого кота, решившего поиграть со своей жертвой.

— В этот чудный вечер я в благом расположении духа, а потому не изгоню тебя прямо сейчас. — Гуго говорил не спеша, почти мурлыкая. — Но и ждать долго не буду. Коль явился, говори!

И замолчал, давая понять неведомому гостю, что сказал все.

Спустя мгновение во мраке за любимой кроватью Гуго почудилось какое-то шевеление. Там кто-то завозился, заелозил, и вот в еле различимый сумрак шагнул маленький, не более двух локтей росточком, человек.

Нет, не человек.

Деревяшка.

Только с ручками-ножками.

Оттого и показалось сначала Судье, что появился перед ним худенький коротыш. Впрочем, не верховному Брату Вечного было удивляться диковинному виду гостя. Страшные земли, дикие, полные всякой дряни. Но Гуго, разглядывая поленце, поймал себя на том, что в нем пробудился интерес. Раньше подобные существа ему не попадались. Хороший вечер, занятный.

А потом можно будет не спеша, обстоятельно описать эту гадинку на пергаменте. Сложить к остальным листам в кованный сундук. Пополнить коллекцию.

Видимо, на миг Судья потерял самообладание и все это стало читаться на его лице, потому как бревнышко с опаской юркнуло за стойку кровати и, высунув оттуда нос-веточку, запричитало:

— Ой-ёй, добрый дядечка, чую, обидеть хочешь маленького меня! Негоже гостя дорогого с порога страшить да запугивать. Уж ты уважил бы лучше да медку поднес, пряничка сладкого аль сдобу какую. Уж гость бы тогда ай как растаял, стал бы приветливым за такую любезность, да, глядишь, сговорились бы о чем...

Судья спокойно внимал потоку речи бревнышка, и видно было, что в нем постепенно копилось раздражение. Впрочем, Гуго умел держать себя в руках.

— Был у лорда Экзика шут, — холодно заговорил старик, не озаботясь даже дослушать болтовню гостя. Произносил он это скучно, негромко, но таилось в этом голосе что-то страшное. — Забавный был. Тоже коротышка. Юркий, резвый. Балаболит без умолку, всё шутки да забавы. Любил его очень лорд. Во всем потакал. Как-то гостил я у старого Экзика, да и довелось мне познакомиться с веселым паяцем. Одного взгляда хватило,

чтобы понять, какие темные тайны прячутся за ширмой веселья, как далеко проникли черные корни властолюбия, как крепко держит лорда придворный карлик, под плащом шутовства пряча кинжал коварства. Серой силой был тот прислужник. Снаружи безобидное фиглярство, а копнешь... Много тайн рассказал нам любимчик Экзика, пока корчился на дыбе. Много ниточек заговоров распутали Братья Вечного. Щуплый, конечно, был, долго не сдюжил дознания. Но веселый, спору нет.

Гуго медленно, почти нежно погладил край столика. Добавил:

— На тебя очень похож.

Поленце, до того с испугом слушавшее старика, вдруг перестало мелко трястись. Шагнуло из своего укрытия.

Все поменялось в нем молниеносно и разительно, а от прежнего юродствования не осталось и следа.

— Значит, так будем общаться, — скрипнуло бревно, и голос этот был теперь сух и колюч, как мертвый кустарник. — Что ж, прав ты, чужеземец. И байка твоя метко попала, и намек я понял. А еще я понял, что не ошибся с тем, к кому надобно в гости наведываться, кто на самом деле тут заправляет.

Гуго поморщился.

— Не подхалимничай.

Деревяшка прошелся по грязной шкуре, заложив лапки-веточки за спину. Будто думал-прикидывал, с чего начать.

Старик не торопил.

— Не буду скрывать, — наконец начал Алчба, — что я понимал всю опасность визита сюда. И все же я здесь! Вы со своим вторжением наделали немало шуму в наших

землях. Вестовые соколы уже долетели до ближайших княжеств, а оттуда вглубь, до самого Большого камня. Несутся гонцы, бьют тревогу. И пока ваша ватага пробируется все дальше, почти не встречая отпора, у некоторых, не будем тыкать в них веточкой, могла создаться обманчивая уверенность в собственных силах. Но я не привык недооценивать, хм-м, собеседников, а потому вряд ли ваша затея не учитывала обилие земель Руси и ратной силы, которую могут собрать князья, верно?

Гуго молчал, с легким интересом глядя на расхаживающую туда-сюда полешку.

— Верно, — не ожидая ответа, продолжило полено. — Значит, задумка ваша гораздо более обширная, а нападение идет со многих сторон. Но вот что мне непонятно было, так это с чего всполошилась Небыль. Казалось бы, ну пришли иноземцы жечь да грабить города людские. Не раз бывало, не раз давали отпор. Да и дела человечьи мало волновать должны того же водяного или лешего. Так, честно сказать, оно и было поначалу. Ой, да вам то и неинтересно, дело долгое. А вот теперь спохватились... И ладно бы, что хозяйка, та уж на всю рогатую свою башку блаженная, а все же явно испугалась, в Обряд полезла...

Алчба оборвал себя, понимая, что сболтнул лишнего. Он бросил быстрый взгляд на Судью, не усмотрел ли тот что, и бегло затараторил другое, стараясь под ворохом пустых слов погрести заветное.

Гуго молчал.

Бревно все же перестало нести околесицу, глубоко вдохнуло, хрустнув корой, и, решив переходить к сути, продолжило:

— Так, о чем я? Да, не надо быть очень умненьким, чтобы понять, что ваша затея не простой набег, что нынче кроется за ним что-то большее. Оттого и всполошились от Небыли, оттого и трясутся да прячутся духи по лесам и болотам, дрожат за свою суть. Потому как теперь поменялся расклад и вместе с ордами с запада пришли к нам вы. — Сучок пальцем нагло указал на Судью. — Братья, или как вас там. Не столь важно лично мне, как себя очередные дурачки называют. Не первый год землю топчем, видели и почитателей Древних, и безумцев, взывающих к истокам пранародов, и открывателей кургана Вия... Немало таких. Да только сила есть у вас. Сила! Прознал я про то, да вы и не таились особо. Можете вы навсегда Небыль уничтожать... уж не знаю как, кем задана та власть, но можете.

Алчба понурил голову, но вдруг весело подпрыгнул и ловко заскочил на спинку кровати. И в этот момент от единственного глаза деревяшки не ускользнуло, как вздрогнул, подался вперед Судья. Приметил это хитрый небыльник, в котомку знаний положил, припас. А сам продолжил как ни в чем не бывало:

— Да и чуры с ней, с Небылью. Верно говорю, старик? — Гуго вновь поморщился, явно отвыкнув от такого с собой обращения. Но опять сдержался. Интерес к происходящему пока перевешивал желание запустить «Длань Вечного» в болтливую тварь. Полено меж тем уже вовсю разгулялось. — Я за вами наблюдал. Долго. Все слушал, поглядывал. Как я понимаю, хотите вы извести нашего брата под корень, людей же подчинить, земли захватить, а память людскую стереть, навязав почитание ваших... чуров? Нет. Не очень понятно мне это, но что-то вроде

НЕЧИСТЬ ◆ ЛИХОДЕЙ

очень сильных Древних. Вы зовете его Вечным — хороший, наверное, малый...

И все же Гуго сорвался.

Он вскочил, опрокинув стул. Все его щуплое тело тряслось от гнева, а хищная тварь внутри готова была рвать и метать. Жилистые пальцы, еле выглядывающие из-под нависающих рукавов рясы, светились белесым нестерпимым огнем.

— Как смеешь ты, нечистая дрянь, — зашипел Судья, шагая вперед, — своим грязным дуплом порочить имя Вечного?

Гуго шел, надвигаясь на сжавшегося от притворного ужаса Алчбу. Казалось, весь шатер стала опутывать еле различимая паутина. Сияющие нити тянулись от самого свода во все концы, к кольям креплений, к столбам перекрытий, дальше, под землю. Ловушка, не вырваться. Громадный силок для обреченных. Руки старика уже полыхали так, словно он в них держал по лучу солнца.

Судья мог быть похож на огнеглазого Ховалу, если бы не хищный холодный голод, что можно было распознать в темных зрачках. Тварь внутри жаждала расправы.

— Вас, нечисть, мы, Братья Вечного, искореним, сожжем всю до единой! Как сделали это в родных землях, так будет и здесь! Потому как истинна лишь одна власть! Власть Вечного! — Гуго уже кричал, брызжа слюной и воздевая над головой руки.

— И ваша, — спокойно сказал Алчба, чем порядком сбил впадающего в раж Судью. — Власть-то — она штука такая. Всем хочется. Ты ручками не маши, дед, вижу, что силен. Да только и я тебе не кикимора зачуханная. Меня так просто не возьмешь.

Гуго, ненадолго ошарашенный, вновь завыл:

— Да как ты смеешь?! Низвергнут будешь...

И он необычайно ловко для своих лет прыгнул вперед, норовя вонзить, утопить свои руки в тело полена. Впрочем, Алчба оказался шустрее. Юрко нырнув вбок и кувыркнувшись, он появился позади Судьи. Поплясав то ли от негодования, то ли от азарта на своих тонких ножках, полено крикнуло:

— То, что вы фанатики, я уразумел сразу, старик. Ты когда подостынешь, ручонки свои протушишь, то ты подумай. Крепко подумай. Нам есть о чем поговорить за кружкой меда. А от нужных союзников, как и от власти, отказываться глупо. А власти, дед, хотят многие. Ну, ты понимаешь? Захочешь обсудить — позови ночью на перекрестке маленького Алчбу.

С этими словами он крутанулся волчком, скакнул, будто в раздрае, взад-вперед и исчез. Как не было.

Подвели силки сияющие, дали сбой.

Часто дыша, стараясь успокоить полыхающий внутри гнев, Гуго озирался, стоя посреди шатра. Тварь умудрилась улизнуть. А вот как — то был большой вопрос.

Старик с силой сжал челюсти, стараясь не зарычать от злобы и упущенной добычи. Впервые за много лет он дал волю чувствам. Мелкая дрянь умудрилась уж неведомо как, но вывести его из себя. Может, оттого и дала слабину паутина?

Терзаясь этими вопросами, Судья подошел к кровати. Поганое бревно посмело осквернить ложе своим нечистым касанием. Посмело...

Гуго взгляделся, стараясь в сумраке шатра различить спинку кровати...

НЕЧИСТЬ ♦ ЛИХОДЕЙ

От дикого, яростного крика, раздавшегося из шатра главного Судьи, вздрогнул, казалось, весь лес вокруг. А уже через миг Братья Вечного из приближенной охраны, до того топтавшиеся возле входа в нерешительности, разом ввалились внутрь, полыхая светом удавок. И обнаружили Гуго в таком безмолвном бешенстве, что всерьез стали опасаться за рассудок своего предводителя.

Влетевший в шатер чуть позже Дюк Миндовг, наспех одетый и в сопровождении растревоженного служки, мигом оценил ситуацию. А одного взгляда на спинку кровати хватило, чтобы понять причину ярости Судьи.

На богатой древесине любимой кровати верховного Брата Вечного было накарябано изображение того, что обычно не требует толмачей и не подвластно ни времени, ни границам.

Предельно доступно и доходчиво.

Как будто ножом или острой палочкой процарапали.

Дюк не смог отказать себе в улыбке, глядя на бледное, искаженное яростью лицо Гуго.

